

ОДИНОКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НАКАНУНЕ
ЗИМЫ

ВИКТОР РЕМИЗОВ

Виктор Владимирович Ремизов

Одинокое путешествие накануне зимы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68331739

Одинокое путешествие накануне зимы:

ISBN 978-5-00139-736-6

Аннотация

Виктор Ремизов – писатель, лауреат премий «Большая книга» (2021) и «Книга года» (2021) за роман «Вечная мерзлота», финалист премий «Русский Букер» (2014), «Большая книга» (2014). В новую книгу вошли повесть, давшая название всему сборнику, и рассказы.

Малая проза Виктора Ремизова уступает его большим романам только в объеме. В повестях и рассказах таятся огромные пространства и время сжато, но не из-за пустоты, а из-за насыщенности. Каждый рассказ – отдельный мир, где привычное для автора внимание к природе и существованию человека в ней вписано в сюжет, – и каждый ставит перед читателем важные вопросы: об отношении к жизни, к тому, что нас окружает, к настоящему и будущему, к тому, что действительно важно и достойно наполнять бытие. Автор пишет об одиночестве, честно погружающем человека в самого себя, – и удивительном чувстве свободы, которое охватывает в моменты единения с миром.

Содержание

Одинокое путешествие накануне зимы	5
Среди стынущих осенних гор	5
В каньоне	15
Таня, Степа и Серега	28
Молчание	44
Покой	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктор Ремизов
Одинокое путешествие
накануне зимы

© Ремизов В. В., 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Одинокое путешествие накануне зимы

Андрею Иллешу

Среди стынущих осенних гор

Широкая горная долина, где рождалась река, была хорошо укрыта снегами. В этом году рано, в начале сентября, повалило. Снег не переставая шел четверо суток. Насыпало так, что местами лось не проходил. Потом вернулось тепло, полдневные склоны и мари прорезались темной рябью камней и кустов, но снег уже лег основательно, до весны.

По утрам через перевалы со стороны Байкала выползали высокие, похожие на облака туманы, опускались в долину и завешивали все седыми, рваными понизу шторами. А вскоре так же легко затягивались обратно. Так бывало по нескольку раз за утро, и казалось, что озеро дышит. Дни стояли солнечные, тихие. В полдень пекло, таяло, кедровый стланик с пугающим шорохом распрямлялся из-под тяжести снега. Река негромко плескалась на перекатах.

Старый ворон сидел на кедре с обломанной вершиной и меланхолично смотрел то на скользящую под ним воду, то,

склонив голову вбок, задумывался куда-то вверх по склону. Там, за редким лиственничным леском, уже ничего не было. Темные каменные осыпи, укрытые снегом, и холодное чистое небо.

Медведица, дневавшая в стланиках с медвежонком, встала, потянулась, прогибая спину, высунула морду из-под пушистой кедровой лапы, изучая склон. Тут же и малый вскочил и тоже уставился вниз по долине. Они переходили с берега Байкала поближе к ленским кедрочам, где был урожай орехов, следы многих косолапых вели туда, и мамаша была осторожна.

Солнце садилось, лодка медленно плыла в тени высокого берега.

Я ткнул веслом в снег, он был жесткий, рассыпчатый. Руки подмерзли. Река впереди плавно уперлась в вылизанную водой скалу и исчезла из виду. Я причалил, привязался за куст жимолости и пошел смотреть.

Водопад был метра три-четыре, из-за малой воды падал отвесно и на камни. Надо было разгрузаться и обносить лодку, а я стоял на гладком валуне над рекой, глядел на падающую с грохотом воду, шурился на солнечные блики, на горы и, то ли от радости, то ли еще от чего, осторожно, опасаясь что-то здесь нарушить, улыбался. Солнце уходило за хребет, белые снега начинали синеть, а небо сияло ясным светом непозднего вечера.

Я стоял один среди стынувших осенних гор, и впереди у

меня было две сотни верст такой вот безлюдной прекрасной реки.

Как я попал сюда, в верховья Лены, в начале октября, долго рассказывать. Так уж вышло, если коротко. Сегодня утром с двумя инспекторами заповедника занесли мы с Байкала через таежный перевал мое снаряжение.

Первый день на реке всегда особенный, подзабытые за год ощущения возвращаются, принохиваешься и прислушиваешься, невольно вертишь головой, но голова сейчас не помощница. Что-то очень важное и нужное здесь поднимается из глубин и заново знакомит с жизнью. Так было и теперь – я остро чувствовал, как во мне что-то меняется.

Я впервые был на речке один, душа по-детски ликовала от встречи с первозданностью и свежестью окружающего мира, я все время улыбался внутренне и дышал полной грудью, но вел себя осторожно, и это было непривычно: осматривался лишне, искал следы зверей на снегу, думал, не надо ли всегда иметь на плече ружье, которое осталось в лодке. Один идешь тихо: в нагромождении камней и прибрежных скал столкнуться можно с кем угодно.

Один знакомый егерь, заходя в лес, начинал напевать. Такая у него образовалась привычка после того, как он оказался нос к носу с разъяренной медведицей. Она была с детьми. Я тоже пробовал напевать или хотя бы бормотать вслух. Но это было бессмысленно из-за шума водопада, а главное, отчего-то жутко стыдно, и петь я не стал. И все же я кряхтел и

прокашливался без нужды, поднимаясь на терраску и не видя, что там за перегибом. Проще, конечно, было взять ружье на плечо, но я почему-то этого не делал. То ли не давал волю страху, то ли не хотел считать себя трусом.

Вечерело, пора было заняться лагерем, но ничего подходящего не наблюдалось. Берега, заросшие низким густым кустарником, или невысокие скалы, левый поворот сменялся правым. Я вертел головой по сторонам и скорее любовался осенними красками, чем искал стоянку. И почему-то совсем не опасался, что ночь застанет меня на воде.

Рябенькая самочка чирка неожиданно вылетела из-под берега и плюхнулась недалеко передо мной. Когда лодка приблизилась, утка, явно не понимая, что я такое, снова перелетела недалеко. Так повторилось несколько раз. Из четырех банок тушенки две мы съели с моими помощниками после перевала, а, с некоторой точки зрения, уточка как раз и была банкой тушенки. Стрелять в нее, однако, было совершенно невозможно... да и эхом греметь по безмолвным горам не хотелось. Так мы с ней и плыли. Она впереди, я за ней. Показывала мне дорогу.

В начале седьмого увидел ровную и длинную косу под высокой скалой. Она была по-зимнему глубоко уже укрыта снегом. Место было неплохое. Я причалил и достал бензопилу – у подножья скалы лежало присыпанное снегом толстое дерево. Это был кедр, почти не гнилой, тяжелые чурки отваливались одна за другой, пила резво верещала, насилуя ущелье

громкими и неуместными здесь звуками.

Разгреб снег под костер, чурки перетаскал в кучу. Солнце садилось и подгоняло, а настроение поднималось. После хорошего дня, после перевала и обносов... у костра посидеть, чайку попить... я таскал вещи и бормотал: «Господи, за какие заслуги все это мне?» И улыбался с благодарностью, и стеснялся этого своего невольного бормотанья, как будто кто-то, кроме Него, мог меня здесь услышать.

Дело было не только в привычной радости от сплава. Мне стукнуло пятьдесят два, жизнь начала меняться, я это чувствовал – может быть, поэтому и был сейчас на реке один.

Одиночество придумали не вчера, оно ко всем приходит в свое время. Дети выросли, им, естественно, захотелось свободы, у жены обнаружилась своя жизнь, как будто бы вполне отдельная от меня, друзья сделались тяжелее и скучнее, и я подрастерялся, не зная, что со всем этим делать. Так и оказался здесь – попробовать, как оно, одиночество, в чистом виде. Есть ли на него силы?

Солнце опустилось за гору, подсвечивало еловое и кедровое воинство на хребте, стало резко холодать. Поторапливаясь, вытоптал в снегу место под палатку и уже развернул ее было, но задумался. Вспомнил слова охотоведа на берегу Байкала:

– Я бы не стал ставить палатку – тебя все видят, ты никого!
Лучше под тентиком, костер опять же всегда поправишь.

Человек все же зависимое существо, особенно в таких вот

необычных ситуациях. Я не стал ставить палатку. Приволок лодку и привязал к ней тент. Другой конец, обращенный к костру, поднял на веслах. Невысоко, но аккуратно вышло. Разжег костер, когда уже стало темнеть.

Было сумрачно и тихо. Далеко-далеко окрест не раздавалось ни звука. Лена монотонно шумела, иногда ясно было слышно, как перекатываются камни по дну. Я расстелил палатку, сверху разложил коврик и спальник. Вышло неплохо. Со спины прикрывал тент, а впереди горел кедровый, тихий и почти не бросающий искр костер.

Глотнул виски. Тьма окончательно спустилась в мое ущелье. Ни луны, ни звезд над головой, костер горел высоко, и вокруг ничего не было видно. В свете фонарика вода отблескивала холодно. Снег на склоне. Скалы, кусты тальника. Сильный луч доставал до леса на повороте реки. Очень непривычно было, в прежние сплавы рядом звучали голоса друзей, теперь же всюду царили ночь и безмолвие. Костер потрескивал, речка однообразно выводила свою вечную песню.

Есть не хотелось. Я повертел в руках банку тушенки, открыл ее и поставил на угли. Просто так открыл, чтобы что-нибудь сделать – на часах было всего полдевятого. Ложиться рано, и вообще все было так необычно, что я, всегда находивший себе дела, теперь просто рассеянно сидел у огня. Даже не думалось ни о чем.

Еще приложился. Виски был холодный. Вкус не чувство-

вался. Поставил банку с кипящей тушенкой на утоптаный снег и взял ложку. Я не ел с перевала, много работал, холодно было, в конце концов... я должен был хотеть есть, но я не хотел... У меня так бывает – когда вокруг много красоты, наступает восхитительное оцепенение. Самый простой случай – когда рядом очень красивая женщина.

Дров подбросил, положил рядом ружье, натянул лыжную шапочку на уши, чтобы поменьше слышать, и просто лежал, укрывшись спальником. Смотрел в огонь. Часы показывали полдесятого.

Костер разгорался, взметывал легкое желтое пламя, иногда щелкал и выстреливал пучком искр. Они долетали до тента и гасли. На небо выползло немного звезд. Река все шумела. Я засыпал, сознание начало ломаться, и тело двинулось куда-то, где оно не зависело от меня, и тут я услышал громкий, нарастающий и непонятный гул и плеск шагов по воде. Я замер с бешено колотящимся сердцем, пересилил себя и, скинув спальник, сел. Фонарик блуждал по мокрым камням в реке, ощупывал их зачем-то, потом пополз по берегу. Я знал, что там никого нет, но продолжал вести луч по склону. Снег, кусты, скалы и снег, и никого, ничего...

Я посидел, тупо глядя в огонь и думая, что так не высплюсь, снова как будто решительно залез в спальник и закрыл глаза. Не спалось. Я вертелся с боку на бок, зевал, думал о чем-то необязательном, гнал от себя мысли, а уснуть не мог. В который раз уже вспоминал медведей, которых видел

немало, понимал, что зверь не сунется, не предупредив, ему тоже надо сначала понять, к кому он лезет... не помогало. Я искрутился, извевался, иногда казалось, что вот-вот засну, но, когда начинал проваливаться в сон, в этот самый момент, возможно чем-то важный для человека, в ушах опять возникали необычные звуки – то плеск воды, то громкие и отчетливые шаги.

Я, доверяя свою жизнь ушам, был почти стопроцентное животное, и в этом смысле мало отличался от первобытного своего предка, даже куда ближе был к нему, чем к близким, что спали сейчас в Москве. Московские уши не различают таких шумов.

Заснул, когда небо начало предрассветно сереть. И проспал до одиннадцати.

Надо было подниматься, но я лежал под спальником, зевал мутно и не шевелился. Было отвратительно пасмурно, мгла висела над рекой. Верха каньона не было видно в сыром облаке. Казалось, темные стены уходят так высоко, что отсюда вообще нет выхода.

Собираясь сюда, я не предполагал, что так будет, я вообще не думал, как буду спать... Следующая ночь будет такой же? Мысль не была режущей и не вызывала страха, но думать об этом не хотелось. Когда я ехал один, я на что-то рассчитывал. На что? Пока это было непонятно.

Костер почти погас и раскатился. Я приподнялся на локте, сдвинул едва дымящиеся головешки, нашел какую-то эти-

кетку, подсунул, посмотрел, как она обугливается, и, понимая, что так не разжечь, полез из спальника. Было морозно. Снег у костра стеклянно и грязно похрустывал под галошами.

Выпил чаю с бутербродом, поставил воды для кофе и снял тент. Лагерь мой раскрылся и превратился в скучный бардак из разбросанных шмоток. Сумки, гермомешки, спальник на коврике, примерзшая к земле палатка, весла, удочки, подмокший рюкзачок, парящий у костра, патроны, навигатор, прозрачные пластиковые банки с мукой, чаем, кофе, топор, веревка, насос, у берега канистра с бензином, ремнабор. Я долго ходил среди этого барахла и раскладывал его кучками вдоль тропы на застывшем снегу. Пытался определить, что в какой сумке поедет. Получалось бестолково. Сумки выходили полупустыми, места в лодке было с избытком, вся моя укладка лишалась смысла. Я рассматривал камни, торчащие из воды по всей реке, безнадежно серое небо. Настроение было на нуле.

Так у меня все и было развалено, сам я в свитере и галошах сидел у костра и второй раз пил кофе. В час дня, разрешая ситуацию, посыпался обильный мелкий дождь.

Вскоре я спихнул лодку на воду. Все было уложено, пусть и не так ясно, как хотелось, но уложено, увязано и затянуто тентом. На мне были непромокаемая куртка с капюшоном, такие же штаны и высокие сапоги. Все было более-менее, я хмуро вел лодку в поводу, протаскивал между камней, сам

вспоминал глупые ночные страхи и думал, что моя жизнь
если кому тут и нужна, то только мне.

Мелкие капли дождя закручивались ветром под капюшон
и текли по лицу.

В каньоне

Речка сужалась, становилось глубже, скальные берега поднимались все выше. Я сидел на корме, подруливал с одной стороны, лодка слушалась. Из-за малой воды скорость выходила небольшая, мне сегодня не дойти было до середины каньона.

Дождь прекратился, было хмуро и тихо. Гулкие, покрытые трещинами скалы над головой местами заросли мхами. На выступах и карнизах лежал снег, тяжелые наросты сосулек гроздьями в несколько этажей свисали тут и там, по разломам пучились натеки белесого, сероватого льда. Пахло каменной сыростью и холодом.

Каньон все время петлял. Я чалился перед опасными закрытыми поворотами, вытаскивал лодку на снег и шел смотреть. Серьезных препятствий не было, иногда река наваливалась гибким прозрачным телом на скалу, пенилась, но быстро успокаивалась. Вода была низкая, осенняя, силы в ней не было.

Ближе к вечеру из скалистого ущелья, заросшего кедровым стлаником, пришел большой ключ, воды добавилось, речка повеселела, и я слегка обнаглел – пошел без разведки: вылетал из-за поворота, не видя, что за ним, и разбирался с камнями и прижимами по ходу дела. Душа пела безрассудную песню молодости.

Так я и вляпался. Это было самое узкое место каньона, скалы, зачалиться негде. Скорость увеличилась. Меня вынесло из-за поворота – впереди скала перегораживала реку. Вода исчезала куда-то вниз и налево, там могло опрокинуть. Я замахал веслом, перегреб поток, стараясь увидеть хоть что-то... река, разделенная камнем, двумя водопадами с грохотом падала вниз. Выбора не было – все было плохо! Я судорожно греб короткими гребками, стараясь хотя бы не зацепить камень, спина и руки трещали... река бугрилась пульсирующими валами, картина неизбежного переворота мелькнула в голове, но вдруг река подо мной вспухла и легко вытолкнула лодку на камень. Все замерло. Лодка дрожала и подсакивала, под кормой, прихватывая ее, проносились тонны дикой воды. Рядом с грохотом и ревом воевал со скалой громадный вал.

Лодку подняло и боком потянуло в слив, я, не думая, выскочил на камень и довернул нос, прыгнул в падающее уже судно. Сзади обрушился поток воды, но он же и вытолкнул. Меня сильно повлекло вперед, ударило о скалу и вынесло на ровное.

В лодке было по колено, сумки плавали, с лица и рук текло, с ободранного кулака капала кровь. Я проплыл некоторое время, соображая, как оно так вышло. Мне крепко повезло – не перевернуло, не порвало, я не остался на камне и даже не искупался. В руках было ружье, когда успел его схватить?

Причалил, достал котелок и стал отчерпывать воду. Я не

боялся воды, это было ясно, не верил, что она может со мной что-то сделать. Мысль была крайне неосторожная, но если бы не она, я не поехал бы.

Напротив из реки торчали два больших камня, за ними образовывались затишья. Отличное место для рыбалки. Я поскреб затылок, глянул на серое небо. Времени на рыбалку не было, но попробовать хотелось.

Собрал спиннинг и аккуратно, никого не пугая, забрел в воду. Посмотрел, как сбиваются струи за камнем. Там могла стоять рыба. Я забросил несколько раз, но никто не заинтересовался моей блесной. Спустился ниже и бросил наискосок под скалку на другом берегу. Издали было видно, как, вращаясь, поблескивает приманка.

Лена хрустально переливалась, только поздней осенью она бывает такой прозрачной.

Я сделал последний, самый дальний заброс и почти уже вытянул пустую блесну, как спиннинг согнулся. Сердце застучало от волнения. Я осторожно подматывал и выходил из воды. Мелькнул желтый бок, это мог быть и ленок, и крупный хариус. Рыба рвалась на струю, легкий спиннинг отчаянно гнулся, мне и хотелось тянуть, и боялся, что сорвется. Аккуратно вывел в тихую воду. Это был ленок. Он устало шел за леской, но, когда я вытянул его из воды, заплясал отчаянно у сапог, разбрасывая снег.

Он был великолепен, я – счастлив. Гладкая коричневая спина в черных пятнышках переходила в желтое брюшко,

красноватые плавники с белой каемочкой недовольно расщеперены во все стороны.

Вскоре пришло два притока подряд, река стала шире и спокойнее. Начали попадаться мысы с густыми кедрами, под которыми, наверное, можно было ставить палатку. Было около нуля, небо серое, я подрабатывал веслом и посматривал на часы, соображая, когда начнет темнеть.

Медведица с медвежонком ковырялись в снегу у воды. Я выплыл из-за поворота и увидел их совсем рядом, лодку прижимало течением к острым скалам, надо было отгрести прямо на косолапых. Я слегка растерялся, стукнул веслом по баллону и крикнул: «Оп-оп-оп!» Лодку опасно навалило на скалки, я отталкивался веслом и напряженно следил за медведями.

Мамаша, крупная, почти круглая от сытости, поднялась на дыбы, свесив лапы, и смотрела в мою сторону. Я пришелся бы ей по плечо, если бы встал рядом. Это были строгие три-четыре секунды, конечно. Лодка приближалась, покрываясь мурашками, я захлопал в ладоши и заорал что-то грозно и даже злобно. Она крутанулась и тяжелыми прыжками рванула вверх по склону, оставляя в снегу глубокие следы-ямы. Малый не сразу расчихал, потом увидел, что матери нет, глянул на речку, на меня, я уже был совсем близко, гаркнул на него, не слишком, правда, громко, опасаясь, что матери это не понравится. Он нехотя, не очень, видно, понимая, чего она испугалась, поскакал следом за мамкой. Это был круп-

ный пестун, размерами вполне с меня. Они взобрались на невысокий хребтик и исчезли в лесу.

Мне было неприятно за свою злобу, вызванную животным страхом. Сделать с этим я ничего не мог. Если бы она бросилась, страх мгновенно прошел бы, это я знаю точно. Работали бы только руки, а потом пуля. Возможно, я злился не на них, но на саму ситуацию, когда ты вынужден стрелять... Короче, целый клубок чувств, связанных с убийством, они всегда неприятны.

Медведи непредсказуемы. На охотах и сплавах я перевидал много косолапых, они, ясное дело, видели меня еще больше, и все было более-менее, мы как-то расходились.

Последний случай был пару лет назад на берегу Байкала. Мы с моим старым другом Васей поужинали, убрали еду, у костра осталась миска вареных хариусов из ухи, прикрытая другой миской. На Байкале стоял крепкий шторм с мелким дождичком, и мы завалились в палатку в десять вечера. Через час я проснулся от чувства, что у костра кто-то ходит, потом отчетливо услышал, как давится галька под тяжелыми лапами. Оружия у нас не было. Я бряцнул ножом по металлической кружке и услышал грузные прыжки. Мы выбрались из палатки – медведь отскочил метров на пятнадцать и поднялся на задние лапы. Мы разорались так, что самим стало страшно, и он убежал. Утром мы с Васей нервно посмеивались: а если бы он решил вернуться и доест хариусов?

Но не все заканчивается так хорошо. Как-то в Охотске

рыжий некрупный медведь увидел меня издали и рванул ко мне. Я клацнул затвором, заорал и замахал руками, но он летел на махах, не сбавляя скорости. Я стрелял с двенадцати шагов. Уже не жилец, он отскочил в сторону и встал на дыбы. Я хорошо помню, с каким недоумением рассматривал он своего убийцу. Так и осталось непонятным, чего он хотел. Ясно только было – если бы не стрелял, вряд ли бы теперь стучал пальцами по клавиатуре.

Я снова плыл, радуясь не очень сложной и не самой скучной работе. В своих путешествиях больше всего люблю именно плыть, то есть глазеть по сторонам. Берег золотых листвяшек отражается в осенней воде, синица пискнула... И все. Тишина. Смотришь, слушаешь с благодарностью.

Стало смеркаться, надо было присматривать стоянку. Я хоть и не спал толком прошлую ночь, не особенно устал, только погода немного давила. После вчерашнего солнца, синего неба и белоснежных просторов распаханной долины было слегка тоскливо. Темные стены каньона терялись в мокром молоке облаков.

Речка впереди исчезала за поворотом. Надо было посмотреть. Я ткнулся в камни, вытянул на них лодку и направился к берегу. Под ногами было с полметра глубины и скользко, я шел осторожно, а сам все шурился вперед. За поворотом открывался широкий склон желтых лиственниц, и мне все казалось, что там солнце. Я улыбнулся, подумал, отчего люди так любят солнце, и поскользнулся – со всего маху шарах-

нулся лицом вперед. Выбрался на берег, стал опускать отвороты сапог, но было поздно – даже по спине текли холодные струйки, в рукавах и сапогах стало мокро. Я подождал, воды не прибавилось, в сапогах вроде не булькало, и я не стал выжиматься.

Надо было табориться, а я все плыл и плыл, притерпелся к этой пасмурной погодке и мокрым ногам и млея от окружающего меня снежного и тихого мира, темной осенней хвои, живой и юной речки и древних, разломившихся и местами осыпавшихся скальных стен. Холодно не было. Я посмеивался над своим дурацким характером, обруливал камни и деревья, склоненные над быстрой водой.

Иногда все-таки думал, как буду ночевать сегодня, будут ли спать. Мысль была не страшной, просто было интересно.

Справа тянулась открытая заснеженная коса, за ней крутой склон. Я причалил. На снегу не было ни следа. Только справа кто-то мог притащиться ко мне.

Так и жили во мне эти двое. Один все чего-то опасался, другой же морщился и делал вид, что ничего не знает о том, первом. Этот смелый почему-то был уверен, что мне не надо ничего бояться. Он и не боялся. Боялся осторожный. Не так, чтоб очень, но... побздыхивал, как говорил покойный отец.

Саня Мальков, охотский друг и опытный охотник-промысловик, по поводу такого раздвоения улыбался спокойно: в тайгу заезжаешь, первые три дня каждого куста шарахаешься, потом привыкаешь.

Снег был мокрый, сумки на него класть не хотелось, под снегом оказалась крупная, косо уложенная галька, разъезжающаяся под ногами. Ровного места для палатки тоже не было. Можно было спать в лодке. Я поднял корму на камни, чтобы лечь лицом к лесу. Достал виски, сел на «буфет» и глотнул как следует. Я был весь мокрый, надо было переодеться и сушиться. Но сначала хотелось просто посидеть.

Елки с неразвитой кроной, в лохмотьях лишайников казались больными, здесь, на высоте полторы тысячи метров, они все были такие. Вертикальные черные плиты противоположного берега выглядели безжизненно. Густые сумерки спускались в каньон реки, и место мрачнело на глазах.

Я долил бензина в пилу, свалил две нетолстые сушины и стал резать их на чурки, пила опять орала на все ущелье. Великий таежный бродяга, биолог и писатель Семен Климович Устинов считал, что в лесу надо вести себя тихо. «Тогда ты всех видишь раньше, чем они тебя». Неопытному человеку это сложно понять.

«В медвежьих местах живешь, карабин всегда на плече должен быть, – вспоминал свои таежные маршруты пожилой уже Устинов. – Даже когда просто лодку разгружаешь... А спать ложишься, костерок запалить не лишне, чтоб никто на тебя не наступил нечаянно... И сам напугается, и тебя переполошит».

Перетаскал чурки к костру, наколол ворох светленьких еловых полешек, натесал щепок, сложил и встал на колени.

Было так сыро, что сухие дрова быстро набирались влаги из воздуха и не хотели гореть. Я нащипал совсем тонко... Костер на людей всегда хорошо действует. Я наложил полешек, посушил руки над все выше поднимающимся пламенем и начал раздеваться.

У меня с детства есть такая игра, называется «Северный полюс». Когда надо сделать что-то быстро, я воображаю, что в лютый мороз нахожусь на Северном полюсе. Я играю в нее, только когда у меня хорошее настроение.

Сейчас надо было переодеться. Это очень страшно – снять с себя мокрую одежду, когда вокруг белая арктическая пустыня и минус пятьдесят. Страшно и от этого весело. Я содрал с себя все, прыгал на одной ноге, не попадая в трупы, отчаянно искал рубашку в гермомешке, напяливал, подбрасывал дрова в костер. Наконец сухие носки, рубаха, сухой свитер и шапочка... и еще пуховая безрукавочка сверху. Штаны были влажные, но запасных я не взял, а возле костра оно было ничего. «Северный полюс» опять не успел. Мокрые шмотки тяжелой кучей лежали рядом.

Натянул веревку и развесил одежду. Пока возился, набрал снега в галоши. Сидел, вытряхивал и думал, что не нравится мне этот лагерь. Все вроде сделано, костер горит, одежда сохнет, дрова есть – а какой-то он неправильный. Сырой, ходить скользко, все держится на соплях и, что бы я ни делал, лучше уже не будет. Надо быть честным – место выбиралось из трусливых «медвежьих» соображений. Это было

глупо или как-то еще, но я ничего не мог с этим поделать.

Я глядел на себя глазами домашних, от которых свалил с видом серьезного дядьки. В душе была каша, такое впервые было на сплаве.

«Буфет» открыл – все у меня тут было: готовь не хочу. Я и не хотел. Но и перебиваться тушенкой тоже было не здорово, одна банка оставалась. Взгляд мой остановился на ленке, я совсем забыл о пойманной рыбе. Я обрадовался и достал нож.

Ленка, как и почти всех лососей, не надо чистить от чешуи, я выпотрошил, вымыл, порезал на тугие куски и бросил его в котелок, в холодную воду. Так в Охотске варят. Поставил на таганок, поправил огонь и сел рядом на бревнышко. Совсем стемнело. Дров я не жалел, огонь красновато отражался на мокрых скалах другого берега. Снег начало схватывать корочкой, куртка на веревке задубела от морозца.

Я полез в «буфет» – это такой непромокаемый пластиковый ящик с расходными продуктами, «буфетом» его назвал Захар. Так и пошло. Галоши в качестве вечерней обуви на сплаве тоже он придумал, а еще больше он сделал такого, что осталось в душе. Он был добрый, веселый и все успевал.

Захар умер три года назад на осенней гусиной охоте. Ему было пятьдесят два, как мне сейчас. Был мягкий теплый денек, полдень, он остался в лодке приготовить поесть, а Володька – они с Захаром не разлей вода были – поплыл на куласе собрать чучела. Вернулся, Захар лежит, молча глядя в

небо. Володька сначала искусственное дыхание делал, потом просто волосы на себе рвал – это невозможно принять, когда твой друг, смеявшийся десять минут назад, ничего не говорит. И не отвечает на твои вопросы.

Я накрыл на «буфете», сам сел на чурбачок. Налил в кружку и подумал о Захаре. Потом неторопливо ел уху, пил чай, мыл посуду. Все это не заняло времени. На часах было девять, и я опять, как и вчера, поймал себя на том, что мне нечего делать.

У одного человека дел немного. Получается, люди друг другу создают дела. Последний раз мы сплавились вдвоем с Васькой. И все время были заняты. А когда бывали вчетвером-впятером, и вовсе... Я задумчиво крутил сохнувшие вещи у огня. Выходит, желания людские не складываются, а перемножаются.

Еще налил чаю, подбросил дровишек, костер опять поднялся высоко. Звери боятся огня, одобрял осторожный, – значит, с этой стороны никто не придет...

Однажды мы вчетвером сплавились на Колыме. Трое из нас никогда не были на лососевой речке. В первый вечер плывем, присматриваем стоянку, наконец чалимся в отличном месте. Всем нравится. Красиво, дров полно, палатку, предлагаю, здесь поставим. Смотрю, они сошлись вместе и изучают медвежью тропу, натопанную вдоль реки. Следы свежие, понятно. «Та-а-ак, – спрашивают, – это что?!» Хотя по их ромам видно – вопрос риторический. «Парни, – го-

ворю, – следы везде будут. Лосось поднимается, медведь на речке...» Враз им это место разонравилось, я и сказать больше ничего не успел, они уже сидели в лодке с веслами в руках. «Давай, иди сюда!» – говорят. Так мы иплыли до полных сумерек, а когда наконец остановились, следов просто уже не видно было, они натаскали и зажгли вокруг лагеря четыре огромных костра. Я тогда над ними посмеивался...

Если бы я умел думать просто так, то сейчас сидел бы и думал. Время было. Увы, просто так не получается, все время сбиваюсь, мне скучно... Мне больше нравится бездумно смотреть в огонь или на реку. В такие моменты я спокоен, сосредоточен, и мысли, не выраженные словами, это как раз то, что надо. В шелесте падающего снега, в шуме дождя, в треске костра и остатках зари над тайгой есть смысл, не нуждающийся в словах.

Постелил палатку на дно лодки, положил сверху коврик и лег. Не спалось. Шумно от воды было, хуже, чем на берегу. Внутри лодки речка иначе гремела, и опять в момент засыпания шаги, всплески и еще какие-то звуки неведомые являлись.

Я повозился с час, выполз из лодки и раскочегарил костер. Весело затрещало. Под ногами приморозило, похрустывало, в черноте над каньоном показались звезды. И странно: мне вдруг хорошо сделалось. Не уснул вроде, и мысли всякие ду-

рацкие, а вот так...

Когда я один, я серьезен и внимателен и не стесняюсь этого. С кем-то общаюсь мысленно, все интересно, глубина хорошая есть у этого общения. Когда же встречаюсь с теми, с кем так хорошо общались молча, то много чего уже нет. Какие-то шутки, глупости, водка, все поверхностно... адаптируемся, что ли, друг к другу? Это ужасно. Получается, наш общий уровень всегда ниже. Мне всегда хотелось обратного.

Я просто глядел в огонь, вспоминал своих друзей, с кем побродили немало. Был бы кто-то из них... конечно, хорошо было бы. Спокойнее. Веселее. Но не так. В одиночестве есть незащищенность, она и тяготит, но временами я ясно чувствовал еще и детскую радость, что я не один и как будто бы неплохо защищен.

Таня, Степа и Серега

В пять утра от чего-то неясного проснулся. Лежал и не понимал, что происходит. Слишком тихо было. Включил фонарик. Из черноты надо мной густо летели снежинки. Снег – штука тихая.

Окончательно проснулся в полседьмого. Снег шел по-прежнему, из-за него казалось, что темно, но я чувствовал, что ночь уже кончилась. Спальник подмок и руки тоже... по локоть почему-то, и за шиворотом было влажно. Сверху валяло и валяло, не переставая.

Вещи засыпало снегом, костра нет, все мокро, темно еще и голая коса – не укрыться нигде. Самое то, чтобы прокиснуть, но я чувствовал, как поднимается настроение. Все надо делать быстро и точно, иначе – конец. Замерзнешь. «Северный полюс»! Не обращая внимания на падающий снег, на то, что сам же и мочу барахло, стал устраивать крышу. Крутился по скользкой гальке с камнями и веревками, с веслами и удочками вместо подпорок... Косовато получалось. Тент был похож на уставшего Змея Горыныча с плохо сложенными перепончатыми крыльями. Места под ними, однако, хватило и вещи развесить, и для дров, и еще мне на коврик. Даже костер перенес под край. Светало. Мокрый и мелкий уже снежок шуршал по крыше. Костер потихоньку разгорался.

Я сидел промокший, но довольный, сушился и пил чай.

Как-то все ладненько стало. Расцвело. Спальник, сумки под тентом, одежда на мне – все парило от костра. Колючий еловый дым временами лез в глаза, но это было ничего, а даже и приятно – дым был теплый. Пока возился, ровный белый слой прикрыл лодку, таял и сползал плюхами с бортов.

Колбасу и сыр порезал, нашел в застывшей ухе кусок ленка, зачерпнул воды в котелки и поставил на огонь. Я вспоминал свой рваный сон и думал, что утром, даже таким пасмурным, все совсем по-другому, что ночь – особое состояние природы. И люди, и звери ночью тоже особенные.

Филипп вдруг вспомнился... На одной из африканских охот дело было. Мы шли ночью руслом пересохшей речки. Нас было пятеро. Профессиональный белый охотник Филипп, трое черных следопытов и я. Следопыты по очереди несли добытого леопарда, у нас с Филиппом было только оружие. Ночь звездная, черная, какой она бывает только в Африке, под ногами речной песок разъезжается, а иногда вдруг лужа зачавкает – все, что от речки осталось. Русло узкое, извилистое, берега плотно заросли кустарником, до них где пять метров, где десять. Наши налобные фонарики время от времени выхватывали темные отверстия звериных лазов в колючей стене.

Я только что добыл леопарда, а до этого были всякие приключения, которые могли сильно плохо кончиться, но они кончились хорошо, и настроение было отличное. Я пытался заговорить с Филиппом, думая, что он тоже доволен, но он

отвечал односложно, внимательно рулил следопытом, который светил по сторонам сильным фонарем. Карабин у Филиппа был снят с предохранителя. Я замолчал и тоже стал коситься на черные дыры в кустах, хотя и не очень понимал, чего он боится – двигались мы шумно, слышно было за километр...

Когда вышли к машине, Филипп разрядил карабин, бросил его на сиденье, достал пиво и улыбнулся. Одобрительно ткнул пивной банкой мне в плечо:

– Отличный выстрел. Он умер с куском привады во рту, – кивнул на леопарда.

– А чего ты так опасался на речке?

– На речке? – переспросил Филипп. Он не любил вопросов про опасности.

– Ну да, когда возвращались...

Он перестал улыбаться и посмотрел в темноту, вверх по той самой речке:

– Там тропа... львы были вечером.

– Ты же говорил, они боятся?

– Да... – Филипп качнул головой, – но ночью они охотятся.

Это было нелогично, но очень точно, и я хорошо запомнил. Он говорил о том же: ночь – особенное состояние природы.

Мы забрались в открытый джип и поехали в лагерь. Допили по дороге со следопытами весь запас пива и один из них,

бедолага, так и остался спать в кузове...

Снова большими хлопьями густо повалил снег. Все исчезло. Небо, скалы другого берега, деревья в лесу, лодка. Даже речка притихла. Было так беззвучно, спокойно и одиноко, будто окружили чем-то, что вроде и есть, а вроде и нет ничего. Я глядел в рябую сероватую глубину снежной завесы и думал, что всю свою жизнь прожил вот так же – окруженный такой же кажущейся стеной дел и забот. Многое так и осталось за ней. Таню вспомнил, мы вместе прожили двадцать пять лет... Я сидел, уткнувшись взглядом в мокрую, черную и блестящую гальку под ногами. Я не умею долго думать о жене: либо расстраиваюсь отчего-то, либо начинаю тосковать.

Река небыстро текла узким руслом. Скал поубавилось, стали подходить заросшие лесом распадки с ручьями и таежными речонками. Я подрабатывал веслом, направляя лодку, поглядывал из-под капюшона, снежинки падали на лодку, на вещи, закрытые тентом.

И тут же таяли, и хлюпали под сапогами. Мои ноги в этих сапогах, расправленных доверху, были приятно сухими. Под непромокаемой курткой тоже было сухо и тепло. Есть какая-то наивная радость, когда ты защищен от непогоды. Кажется, что и от всего другого ты так же защищен...

...Три крохаля с неожиданным шумом взлетели из-под берега, напугали хлопаньем крыльев, над речкой ровненько

потянули. Крупные утки, серые с белыми зеркальцами в середине крыльев. С рыжеватой хохлатой головой и длинным клювом, крючочком загнутым на конце.

Как-то весной на медвежьей охоте я наблюдал, как крохали ловили в море селедку. Было это на Дальнем Востоке, сельдь огромными косяками нерестилась вдоль охотского берега, и тут были все: медведи, белоплечие орланы, чайки, топорки, разные утки. Самыми ловкими были как раз крохали, они ныряли в косяк и выскакивали с бьющейся селёдиной в длинном клюве. Рыбины телом были почти как утки, но крохаль перехватывал трепещущую селедку с головы, задирал клюв к небу, и рыба в конце концов оказывалась внутри. У них, правда, не часто это получалось. Чаще отнимали чайки, они не доставали до селедки в глубине и поэтому внимательно следили за крохальями. Огромные орланы косолапыми безрукими пеньками бродили, а иногда бегали вприпрыжку по берегу, наблюдая это безобразие. Им пока вообще мало что перепало. Потом штормануло и набросало на берег и селедок, и ламинарий, обвешанных селедочной икрой. Тут уж все поели...

Я все не мог позвонить. Телефон не брал в каньоне.

Два года назад мы всем семейством сплавились здесь. Мы не шли через перевал, а залетели на вертолете ниже каньона. Конец августа был, плыли по прекрасной летней речке, рыбачили, купались, пировали, день рождения Сережи как раз пришелся...

Сергея, мой старший, двадцать один ему как раз здесь, на Лене, исполнился, мне кажется, равнодушен к природе. Никакого особенного любопытства у него к ней. Может, и зря я расстраиваюсь: обычный городской парень – в Москве ведь ни дождя, ни снега не бывает, ни восхода.

Маленький он был совсем другой. Мы не пропустили ни одного выходного на даче, чтобы не пойти в лес. Жгли костерок из сучочков, жарили на нем сосиски или хлеб. Он очень это любил.

Позже я много брал его с собой, мы охотились в Африке, сплавились на Дальнем Востоке. С моей подачи ходил он с друзьями пеший маршрут по прибайкальской тайге... не помогло. Чем старше он становился, тем меньше в нем оставалось естественной детской тяги, что водила нас в лес «жарить хлебушек». Мне говорят, позже, с возрастом все к нему вернется. Не думаю. Сама жизнь разворачивается куда-то в другую, в силиконовую сторону, и с этим ничего уже не сделать.

Каньон кончался, скалы сменялись невысокими крутыми сопками, заросшими тайгой, меж ними болотины стали попадаться с торчащими из-под снега кочками. По навигатору еще километров пять-семь оставалось до Малой Лены. Там можно было обедать.

Дождь, теперь это был просто дождь, то затихал, то снова принимался, я причалил и стал отчерпывать воду. Изряд-

но налило. Я черпал и осматривался... Наконец разогнулся, окончательно узнавая – я нечаянно причалил к тому месту, откуда двадцать лет назад мы с друзьями начинали мой первый сплав по Лене.

Я в тот год готовился выпустить новый журнал, работы было по горло, ни сплавиться, ни вообще куда-то выбраться не удалось. Сентябрь заканчивался, мне становилось все хуже, просыпался по ночам, курил, чай ставил, понимая, что осень уходит, а мне никак нельзя. Любое быстрое путешествие требовало денег на вертолет. Денег не было. И вот, когда все это дошло до края, я пошел к своему издателю. Мы были друзьями, но мне было сильно неловко, когда просил его о командировке на Байкал. Я, правда, и цель придумал, похожую на дело, – журнал был туристический. Но издатель, дай бог ему здоровья, не стал вникать, просто дал денег на вертолет. Немаленькие были тогда деньги.

С этого места мы начинали. Только воды в Лене было меньше, коса, на которой мы надували лодку, теперь была накрыта водой. Мы накачались, сварили супчик из тушенки, по полкружки разлили и счастливые, не передать какие, рванули вниз. Погода звенела, была слегка морозная, мы смотрели друг на друга, не веря глазам своим – над нами светило солнце, которое принадлежало только нам! Вчера еще были в Москве, а теперь все заботы остались там: мой незапущенный журнал, Федор разводился с женой, у Вадима через месяц была защита кандидатской, которую он толком и не на-

чинал, и временами был крепко задумчив. Мы шутили над его кандидатской, хотя, как Вадим потом, через много лет, признался, дело было не в ней. У него родился внебрачный ребенок, и он здорово переживал, искал, видно, какое-то решение... И вот – Вадим варит суп на костре и бегаёт с фотоаппаратом, Федор – чемпион мира по гребле среди юниоров – накачивает лодку и травит байки...

Вот здесь все было, на этой косе, что сейчас под водой. Двадцать лет назад. Почти ничего тут не изменилось, только воды много утекло.

В голове две картинки накладывались одна на другую – та, далекая, солнечная и радостная, и теперешняя – слегка пасмурная, с заснеженной черно-белой речкой, на которой я почти старей.

У меня родился второй сын – Степа и был уже выше меня ростом, у Федора, вновь женившегося вскоре после сплава, двое красивых детей, потом он что-то не поделил с женой, скорее всего собственную свободу, оставил их и женился в третий раз. Вадим тоже женился еще раз. Детей ни в первом, ни во втором браке у него не было, так что тот внебрачный мальчик оказался единственным, и у них со временем сложились отношения. Что мы можем знать...

Настроил спутниковый телефон, приладил его на болотную кочку, ожидая сигнала. Поляна, на которой я стоял, переходила в распадок и поднималась в перевал. Редкие островерхие елки и бурые от дождливой мороси листвяшки по-

нуро темнели на снежном склоне. Сигнал был слабый, появлялся и тут же исчезал. Я еще подождал, сложил телефон и поплыл дальше.

Вскоре Лена спокойно вышла в широкую долину. Отсюда мы начинали наше путешествие с Таней и детьми.

Вертолетчики были явно не иркутские: видно, не часто работали в тайге, сели метров двести от воды, и, пока мы разгружали вещи, они все фотографировали друг друга на фоне окрестных гор. Опытные летчики сажают машину прямо к воде. Когда они улетели, мы с пацанами стали носить снаряжение на берег. По кустам и заросшим водомоинам.

Только перетаскали, закапал дождичек. Я поглядывал на своих – они были еще совсем городскими: чистенькие и растерянные от тайги, дождя и комариного звона. Серега, правда, был молодец – работал молча, тринадцатилетний Степан ленился, важничал, делал задумчиво-суровый вид, он годом раньше сплавлился со мной на Дальнем Востоке. Медведя добыл с подхода. Бывалый. Рыбак и охотник. А старший брат, значит, так себе. Серега спокойно на все это смотрел и качал лодку.

Степа в тот год начал тянуться, сипловатый басок появился, взгляд стал угловатым. Из нежных очертаний лица и характера проступили резкости, бас мешался с подростковым фальцетом. Он был забавный, а местами и растяпа, но с природой у него были очень вдумчивые отношения и вокруг он видел намного больше старшего брата.

Я причалил к левому берегу и полез наверх. От воды поднимался крутоватый бугор, снег был мокрый, он лежал на плотных, упругих кустиках карликовой березки, и я проваливался во все это дело выше колена. А иногда и по пояс. В руке телефон, на плече – ружье. Отчего-то было немного тревожно. Я давно не разговаривал со своими.

Телефон Тани оказался занят, потом пропала связь. Терпеливо топча тропу в заснеженных кустах, выбрался на самый верх сопки. Здесь дул ветер, я стоял среди просторной речной долины, во все стороны расходились таежные сопки и хребты. Ни одной двуногой души не было сейчас в этих горах. Звери, лиственницы, ели, снег да ветер. «И тысячу, и сто тысяч лет назад здесь было так же!» – привычно шевельнулось. Всегда, когда я об этом думаю, мне делается спокойно на душе.

Все эти горные хребты и речные долины легко сейчас достижимы для современного мира – два года назад мы просто заказали в Иркутске вертолет и через полтора часа были здесь. Я поднял ворот куртки от холодного ветра. Совсем не так давно все было иначе – сам исток Лены был описан всего пятьдесят лет назад, – попасть в эти места можно было только ногами, как и в середине семнадцатого столетия, когда здесь впервые появились бородатые мужики с кремневыми ружьями и крестами на шеях.

Но описан он был ошибочно, и только в 1996 году замдиректора Байкало-Ленского заповедника по науке Семен Кли-

мыч Устинов нашел и описал настоящий. Лена начиналась из маленького озерца километрах в двенадцати от Байкала, если напрямую. Так, кстати, и доносили казаки в отписке воеводе.

На следующий год старший лесничий заповедника Владимир Петрович Трапезников поставил часовню на этом месте. Это, конечно, не входило в его обязанности. Немолодой уже Трапезников половину материалов для часовни на своем горбу занес, через тайгу и гольцы. Цельнометаллический купол и тяжелый крест они тащили полторы недели с одним английским волонтером (интересно, крещеным ли?) по имени Джон.

А нынешним летом в Чанчуре, куда я теперь спускаюсь, Трапезников поставил памятный камень «Казаку Курбату Иванову, первопроходцу к Байкалу». Сводил по случаю богатых иркутских ребят на берлогу и потом, под рюмочку, попросил помочь с камнем. Те прислали зимником красивый, тонн в семь-восемь, редкий гранит из Саян. Отшлифованный с одного боку и с надписью.

Жизнерадостный крепкий батюшка, приехавший святить камень, начал уже было, но вдруг уставился на семидесятилетнего Петровича, держащего большую икону:

– А ты сам-то крещен ли?

– Да нету... – Петрович смутился, но не очень, икону все равно некому было держать.

Но батюшка имел в виду другое. Он завел Петровича, а с

ним и еще одного егеря и какого-то мальчишку, они всегда под ногами вертятся, в ледяную Лену и крестил.

Батюшка этот погиб вскоре в Иркутске, в аварии, Царствие небесное.

– Привет!

– Привет, ты чего не звонил? – спросила так, словно я где-то рядом. Будто мы договорились созвониться через час.

– В каньоне... не было связи. Как дома?

– Все нормально.

– Баба с дедой? Пацаны?

– Нормально.

– Я звоню с того места, где мы начинали... где нас вертолет высадил... – сердце мое колотилось лишнего, соскучился, я прямо видел их сейчас на другой стороне речки, накачивающих лодку.

– Тебя плохо слышно...

Я молчал, не зная, что сказать.

– Плохо тебя слышу! – голос у нее все такой же. Будто никто никуда не уезжал.

– Да все нормально у меня... – ответил, ревнуя к той действительности, что ее окружала.

Таня любит город, я – лес... даже о погоде не спросила. Так что мы недолго говорили. Не было у нее ко мне вопросов, а мне не захотелось навязываться со своей Леной... Или с нашей Леной?

Сложил антенку телефона и стал спускаться к реке. Она

была в шести тысячах километров от меня, но дело не в этих тысячах... Людям невозможно понять друг друга, как-то так устроено... – я пробирался по своей же тропе в снегу, – впрочем, тут же и понятно было, что все справедливо. Чтобы понять, нужно пытаться. Мы с женой плохо пытались. Просто эксплуатировали друг друга двадцать пять лет. И не то чтобы не хотели понять, были дела поважнее – хлопотали о сытости, о здоровье, о веселье. И вот теперь... не очень знаем друг друга. Она кажется мне равнодушной, я ей тоже могу казаться не тем, что я есть. Может быть, тоже равнодушным, хотя я точно знаю, что это не так.

Я постоял, разглядывая пасмурное небо, взял лодку в повод и пошел пешком по мелкой реке. Лодка цепляла дном, я оскальзывался сапогами по камням. Никого вокруг не было, и мне было... не плохо мне было. Мои сейчас далеко, конечно, но они есть, и у них все более-менее.

Стало глубже. Я забрался в лодку и поплыл.

Человек одинок в своей глубине. Если бы не наш создатель, единственный, знающий нас такими, какие мы есть, и любящий нас такими, одиночество было бы смертельно. Только Он бережно сохраняет наши связи с миром.

Справа у самой воды стояла одинокая высокая лиственница. С красивой кроной, видная отовсюду. Ее в прошлый раз сфотографировал Серега, и она теперь висит у него на стене: туман после дождя поднимается над рекой, лиственница вершиной чуть склонилась над водой, зеленая и пуши-

стая. Она и сейчас была ничего, но уже буро-желтая, снег под ней лежал.

Речка разбилась на две протоки. Я пошел по правой, дугой обтекающей низкий галечный остров с мелкими кустиками. Остров был вытянутый, в широкой его части, в двадцати метрах от меня торчали оленьи рога. Я присмотрелся, сначала увидел взгляд, а потом и всю морду. Изюбрь лежал и следил за мной, медленно поворачивая голову. Лодку нехорошо несло под дерево, нагнувшееся над водой, я стал отгребаться, и этого зверь не выдержал. Поднялся и спокойно, недлинными прыжками стал уходить в дальний конец острова. Он не понимал, кто я, он вообще мог никогда не видеть человека. Перепрыгнув протоку, олень встал боком. Стройный с могучими раскидистыми рогами.

Я причалил на другой берег. Бык долго лез в крутую каменистую гору, поросшую редкими елками. Останавливался, и мы подолгу глядели друг на друга. Наконец он исчез, перевалив хребет. Странный трепет всегда возникает в душе, когда наблюдаю животных в живой природе. Как будто сам вот-вот могу стать таким же свободным, как они.

Дождь прекратился, было пасмурно и тихо. Река спокойно несла мою лодку. Я достал виски и сделал глоток, хорошо стало, не пьяно, а хорошо, тепло. Скалы гляделись в воду, с елок громко капали остатки дождя. Хотелось плыть и плыть по этой осторожной тишине и нетронутости.

Не было никаких пятидесяти, то есть это не имело значе-

ния, я стал тих и доверчив. Осеннее небо, чистая река, напоенный горьковатым осинником вечерний воздух – больше мне ничего не нужно было. Я отлично принадлежал этому правильному миру, был его частью и сам странным образом владел всем этим. Пребывал в тихой и радостной растерянности и опять бормотал про себя что-то очень личное и благодарное.

Зачалился на мысу ровного, выглаженного водой острова. Вниз по течению открывались три живописных таежных поворота реки. Сзади поднимались высокие снежные горы.

Через час были наколоты дрова, стояла палатка, на веревке под тентом подсыхали куртка, носки, полотенце. Костер мокро трещал и разбрасывал искры. Было еще светло и полно времени, неторопливый супчик варился на огне, тучи резко потащило в стороны, на западе, как раз над Леной, сначала прорисовался голубой кусок, а потом ненадолго показалось солнце. Я дожарил лук, выскреб его в котелок и вышел из-под тента. Начало резко холодать, и небо сильно похорошело. Солнце, ушедшее за гору, отражалось красноватой и золотой каемкой по неровным краям туч. Крыша палатки забелела инеем.

Я рассматривал свой аккуратный костер и лагерь, тент, натянутый до барабанного гула. И вспоминал мокрую и неудобную утреннюю стоянку, где этот же тент болтался кое-как. Под ним только что не текло, но мне было ничего...

неплохо.

Так и в жизни, которую я все обустройстваю на свой лад, как будто знаю, как надо. А важно другое – это ли нужно тем, для кого ты строишь. Понять, что им действительно нужно, может, и не благополучие вовсе, а ты сам, твое внимание. Но до этого уже руки не доходят.

Увы, другой попытки не предоставляют.

Заря гасла за гору, сумерки густели на глазах, краски снежных вершин и вечернего неба потускнели, растворились в сером холодеющем воздухе. Расстояния стали непонятны, а звуки загадочнее и резче. Почему-то звуки обостряются к ночи – или это моя бдительность обострялась? Странно все-таки мы устроены – при такой неловкой жизни думать о своей безопасности.

Суп тем не менее получился вкусный.

Когда забирался в палатку, она хрустела от мороза.

Молчание

Морозило. Огонь осторожно лизал мелко колотые полешки и окоченевшие руки. Вода для кофе начала позванивать в котелке. Было пятое октября. Потихоньку оттаивало новое утро на реке. Не верилось, что только начал сплав... Я грел руки в пламени, отклонялся от дыма, события этих трех дней слились в одно большое что-то: вода, всякая-разная вода, дождь и снег, горы, тенты и костры, косы заснеженные, звери, тайга...

столько всего вместилось. Время – штука непростая: все пространство этих дней было до отказа наполнено редкими чувствами.

Заварил кофе. От ясного утра легко было на душе, мысли прямо скакали, и вся эта бесполезная и радостная энергия должна была бы передаться рукам и ногам, но я ничего не делал, сидел на пенечке у костра, поглядывал на небо, ожидая солнца, и на огромный склон на другом берегу, где должны были появиться первые лучи, грел чай и сам грелся. Мороз бодрил и предлагал действовать, и он же не отпускал от тепла. Все вещи были коловые, в руки не возьмешь, что должно было гнуться – ломалось: заиндедевшая палатка, миска с остекленевшим супом, даже камни примерзли друг к другу.

Солнце едва уловимо возникло на вершине горы, лесок и скалки сначала чуть сбрызнулись, но вскоре зазолотились.

И это нежное цыплячье пятно разгорелось в рыжую курицу вершины, потом, захватывая соседние скалки, превратилось в пестрый куриный двор и поползло вниз, ко мне. Я прикидывал, как быстро оно достигнет палатки, – это такая приятность, когда все становится теплым и мягким.

Спустился к летящей мимо тугой стеклянной струе, зачерпнул из нее котелком, снял шапочку и умылся. Хороша была водичка. Не холодна и не тепла, в самый раз. Куст тальника, тяжело изогнувшись, играл обледеневшими ветками на слабом обратном течении, вода то засасывала его вглубь и начинала журчать, то отпускала и затихала. Так он и вмерзнет через неделю-другую на всю долгую зиму.

Я собирался неторопливо, подклеил лодку, чай пил. Вся эта рассеянная заторможенность была от хорошего тихого настроения. Я больше на горы, на речку да на бездонное голубое небо тарасился.

Отчалил в полдень, в одном свитере, даже кепку снял, пекло приятно, лучисто пробивало воду, расцвечивая камни на дне, сушило по берегам траву, то тут, то там хотелось причалить, запалить костерок и варить чай не спеша. Но и плыть хотелось, по берегам глазеть, караулить растяпу-лося или изюбря... или мишку. Я улыбался на млеющую на солнце тайгу, на то, что я тут один и мне хорошо.

Есть вопросы, на которые не стоит искать ответы, дали тебе такую вот чокнутую душу, так благодари, и точка. А нет рядом никого, кто такой же чокнутый, радуйся, что и сил

дали, и уменья управиться одному. Так уж, видно...

Лодка плыла сама собой по спокойному зеркалу реки, по небу, почти голубому на этой глади, по белым облакам и вершинам острых елей скользила. В темных отражениях деревьев зеркало открывало свою глубину – колыхались травы, проплывали рыбы.

Как не любить было это последнее осеннее солнце и облетающие лиственницы под ним, ручей, ледяным водопадиком радостно булькотящий в речку, строгие таежные тени на белых северных склонах... или полдневные покати, сухие и теплые, где лежат сейчас лесные звери, и тоже греются, и смотрят на блистающую под солнцем Лену и на меня... А я просто плыву по осенней речке, делаю хорошо знакомую мне работу, и нет в этом ничего особенного, а душа скачет и радуется.

Впереди показалось хорошее место, всякий рыбак остановился бы – островок разделял русло надвое. Я причалил. Мелкая протока меня не интересовала, а основная у дальнего берега была глубока и нетороплива, стройные молодые лиственницы заглядывали в нее и наверняка видели ленков, стоящих в тени. На первом сплаве двадцать лет назад здесь поймали несколько больших ленков. Мы везли с собой эмалированный бак литров на пятьдесят, а времена были несытые, коммунистические, и мы солили рыбу домой. Последний же раз, с детьми, ничего этого уже не было, и мне запрещали ловить больше, чем мы могли съесть, что и правильно,

конечно.

Со второго заброса взял некрупный ленок, я вывел его на берег, полюбовался и положил в лодку. Вспомнил, как мое семейство протестовало, не стал больше забрасывать. Просто посидел на теплом борту лодки. О них думал, разглядывая плывущие мимо рыжие хвоинки.

Два года назад в этом месте на дне лежала елка, теперь ее не было, унесло, должно быть, половодьем. Я не помню две трети того, чему меня учили на филфаке, а речки помню. Иногда мне кажется, что могу вспомнить в мельчайших деталях все тридцать с чем-то речек, что проплыл за годы. Дела, кстати, в бизнесе даже и двухлетней давности не помню совсем.

Речка стала затихать, пошла неторопливыми, задумчивыми плесами. Солнце уже цеплялось за сопки, иногда тонуло в них наполовину или совсем, но после нескольких поворотов реки снова возникало над вершинами елок. Лодку несло ровно, и я положил весло. Вода всхлипывала по бортам, пахло мокрыми мхами и травами с берегов, осенней тайгой. Не было никакого меня. Совсем не было. Только темнеющая вечерняя речка, елки, прозрачные и красноватые в закатных лучах, блестящие паутины меж них, высокое небо... меня не было. Это были совсем другие отношения с миром.

Одиночество, как и молчание, бесценно.

Остановился, когда уже сильно за вечерело. Пока возился

с палаткой и дровами, стемнело. Поставил сковородку на таганок, ленка порезал на куски. Лена, невидимая в темноте, негромко поплескивалась.

Мне было двенадцать лет, когда я первый раз ночевал один на волжском острове. Я все сделал так, как это бывало у нас с отцом: сварил уху, чаю напился, постелил телогрейку у костра, другой накрылся. Я все-таки опасался чего-то – весла вынул из лодки и положил рядом и топор под руку. Проснулся среди ночи. Погода испортилась, Волгу штормило, со всех сторон на меня недобро смотрели гигантские спруты, ночные чудовища, я лежал не шелохнувшись, ветер налетал сильными порывами, гнул деревья. Казалось, чудовища бродят вокруг и вот-вот найдут меня. Я скинул телогрейку, сжал топор и шагнул им навстречу. Цепенел от ужаса, топор не держался в руках, но я ударил, потом еще и еще, щепки летели... Это были высоко вымытые водой корни спеленных когда-то тополей – пеньки, как огромные головы, а корни, они были выше меня, как лапы. Нарубившись, я разжег из чудищ огонь, успокоился и уснул. С тех пор я спокойно ночевал один, но случай тот, тот шаг навстречу своему страху не раз потом повторялся в жизни. В куда более неприятных ситуациях. Может, и на Лену я рванул по той же причине. Почувствовал слабину перед длинными осенними ночами, перед одиночеством, вообще перед чем-то неизвестным в жизни.

Куски рыбы шкворчали на всю тайгу, стреляли маслом и

загибались вокруг толстой шкуры. Я снял сковородку и уселся к костру. Рыба отчего-то получилась слегка резиновой, у таких поваров, как я, такое бывает.

Ленок всегда шел у нас вторым сортом. Хариус намного лучше, голец, кижуч, нерка, чир или омуль, или таймень, наконец... Хотя иногда ленок выручал. Однажды – в Хабаровском крае дело было – мы лепили из ленков пельмени. Мясорубки не было, мы толкли рыбье мясо обтесанными тупыми палками, а потом лепили. У Мишки лучше всего получалось; он скульптор. Потом, наверное, у Моста, потому что он считает себя хорошим поваром. Мост, кстати, и затеял эти пельмени – у него случился день рождения. Мы с Андрюхой были на последнем месте. Какими по вкусу вышли те пельмени – не помню, конечно. А вот прокуренные Мишкины пальцы помню, под внимательное кряхтенье хозяина они любовно лепили тесто. Мишка не про еду, ему нравилась их форма. Даже очки нацепил.

Пару лет назад на Байкале мы с Мишкой сидели на бревнышке у самой воды, глядели в озерные дали и размышляли, что красота имеет особенное свойство напитывать человека сама по себе. Не хуже, чем еда. Даже и лучше, уверенно уточнил тогда Мишка.

Позвонил Андрею. Это мой друг. Мой, Мишкин, Моста... Мы прошли вместе много таежных речек. Он учил нас с Мостом журналистике, той, какой уже нет, да и «Известий» тех

уже нет.

Андрей сейчас в больнице, что-то серьезное, он не вдается в подробности, отшучивается, как всегда.

Я достал телефон.

– Андрюха, терапевт беспокоит, послушай, как трещит таежный костер! – подношу телефон к огню.

Потом он попросил поставить «ночную речку». Слушал внимательно, крикнул довольно, выспросил про сплав в одиночку, про рыбалку и тут же стал составлять планы на следующий год. Потом попросил, чтобы еще потрещал ночной костер...

Вдохнул благодарно:

– Давай, аккуратнее там, салага!

Через полтора месяца Андрея не стало.

С уходом близких у нашей жизни появляются новые измерения.

Моему другу Андрею Иллешу посвящены эти записки...

Андрей внимательно слушал, как поет ночная речка. Так и сказал: как поет!

Я выключил телефон и снова остался один: глухой перестук камней в реке, переливы струй, и вдруг все стихает, ни звука, только костер потрескивает, но вот снова всхлипы, переливы и бормотания ночной воды... ни одного звука не повторяется, а звучит как целое. Сколько же у дирижера нашего мира нот! Спокойно, независимо, неустанно звучит и

звучит музыка реки в ночном зале. Только для меня! Невозможная для людей щедрость!

Я лежал в палатке среди тайги и смотрел на себя глазами других людей. Меня вряд ли кто понимает за такое опасное одиночество, но только опасность, о которой так все пекутся, – пустяковая плата. Здесь и один я нечаянно понимал то, чего не мог знать иначе.

Я совсем не был здесь одиноким, это все яснее чувствовалось, страхи и опасения оказались пустыми. Кто-то, любящий и спокойный, как отец в детстве, всегда был рядом.

Покой

В палатке было влажно. Вставать не хотелось. Я слушал, что делается снаружи. Лена шумела, ворон стелил над тайгой неторопливое горловое ро... ро... ро... Увидел, видно, потроха рыбы у воды. Есть и мне хотелось. Я высунулся наружу. Тепло и тихо было от тумана. Седая пелена уже приподнялась над рекой, но еще скрывала лес на другом берегу, резко пахло речной сыростью и погасшим костром. Я начал было выбираться, но замер, услышав ясные всплески.

Через речку шла лосиха. Поглядывала на лодку, тихо застывшую на берегу, на мою палатку. Неглубокая вода ей никак не докучала, и она переходила на мой берег, слегка забирая от лагеря вверх по течению. Аккуратно ставила ноги, принюхивалась к реке, будто разглядывала что-то на дне. На середине лосиха остановилась и обернулась назад.

Там из тальников торчала такая же губастая морда. Большой уже, почти с мамашу, лосенок, беспрестанно настраивая уши в разные стороны, осторожно шагнул в реку. Постоял, смешно вскидывая голову, как будто не мог выбрать, что нюхать – воздух или воду, и вдруг бодро и шумно, оскальзываясь и высоко задирая ноги-ходули, зашагал к мамке. Двинулась и соха-тиха. Они перебрали речку, зашли в кусты, лосенок тут же потянулся вверх к вкусным веткам. Я надел свитер, нашарил кепку и осторожно высунулся снова... среди

реки стоял сохатый. Большой, горбатый, почти черный, с белыми чулками выше колен. Он смотрел вверх по реке, потом повернул тяжелую голову на мой лагерь. Широкие лопаты над его головой были в размах рук, со множеством отростков. Незнакомые предметы на берегу настораживали зверя.

Эта была редкая ситуация. Быки и коровы с телятами обычно живут порознь. Но теперь был конец гона и самец, возможно успокоившись уже, просто так бродил за матухой. Бык перешел реку и исчез в кустах. Теленок стоял возле матери, мне показалось, прижавшись к ней. Для людских детенышей матери, видно, тоже важнее, чем отцы.

Когда звери скрылись, я осторожно прошел берегом. Их не было. Зверем, если быть точным, в этих местах называют оленя-изюбря. Лось зовется сохатым. Не было сохатых. Ушли. Вряд ли они меня услышали, у шумящей реки к ним можно подойти. Просто ушли куда-то на дневку.

Пока умывался и заваривал чай, солнце обозначилось над лесом. Сначала просто чуть понятным пятном, потом от этого пятна пошло тепло, а вскоре и вовсе растащило туман. Палатка быстро подсыхала, я вынул из нее все и разложил на солнце.

Рябчик опять засвистел призывно. Я ответил в манок. Мы с ним все утро так разговариваем. Занятная курочка. Неброско, но элегантно одетая, рябенькая, с хохолком. И, увы, вкусная. Я надел сапоги и пошел в лес.

Тихо, туманно в тайге. Какие-то мелкие щелчки слыш-

ны, листья слетают, посверкивая, висит на хвое роса, капает слышно. Ветерок доносит от реки запах обсыхающих водяных мхов и камней, еще чего-то свежего и утреннего, сильно пахнет прелым осинником, а временами, или это мне кажется, откуда-то сладковато тянет изюбрем...

Рябчик засвистел тонко и ровно, потом выдал нежную переливистую трель и закончил коротким призывным вопросом: ты где?

Я ответил ему и пошел прямо на свист. Надо было спугнуть. Просто так его не увидеть в кроне. Рябчик срывается шумно, летит недалеко, быстро и вертко меж деревьев. Садится и застывает. Тогда к нему зряче можно подойти, шагов на десять-пятнадцать подпускает. Я уже был где-то под свистуном, но тот застыл крепко. Надо мной уходили в небо красноватые стволы корабельных сосен, просторно было, и рябчик наверняка меня видел. Я внимательно рассматривал деревья, понимая, что затаившуюся птицу не высмотреть. Пошел к речке, улыбаясь мудрости природы.

Рябчик с шумом сорвался сзади, пролетел над головой и сел в нескольких метрах впереди. Он был как на ладони, небольшой петушок, черные икринки глаз поблескивали. Рябок прошелся по ветке, вскидывая хохолок, уселся, подомашнему распушившись, и уставился на двуногое чудо. Чудо осторожно прислонилось к сосне.

В рябчике не было никакого волнения, он сидел пушистым пестрым шариком с маленькой шишечкой головы и

спокойно изучал меня.

– Ну, на кого я похож? – я удивился своему голосу, давно ни с кем не разговаривал так вот, глаза в глаза.

Рябок на мгновение «сдулся», вытянул шею и склонил голову набок, присматриваясь внимательнее, но вскоре принял прежнюю спокойную позу. Приятно было, что мне так доверяют.

Небо уже вовсю синело и обещало отличный день. Неглубокий мох мягко пружинил под сапогами, туман поднимался от просыхающей земли, и солнечные лучи косо серебрили его меж сосен.

Речка тянулась длинными, блистающими под солнцем плесами. Сосны гляделись в полированную гладь. Вдоль берега бежала тропинка, то спускалась к речке, то взбиралась на бугор, присыпанный снегом и желтой хвоей. Хотелось пойти по ней. Кедровки перелетали с дерева на дерево и скрипели, и причитали на весь лес. Их резкие одинокие крики подчеркивали молчаливость тайги.

Речка вся уходила под небольшой залом. Я причалил. Два года назад все так же было: Серега пошел смотреть, как обносить лодку, а мы со Степой забросили блесны и повели из-под залама. И тут случилось невероятное – за нашими искусственными рыбками под водой гнались три настоящие утки. Это были крохали, в прозрачной воде было отлично видно, как они машут короткими крыльями. Двое, что насти-

гали мою снасть, увидели, видно, рыбака, свернули в сторону и, выскочив на поверхность, тут же нырнули обратно под залом. Степин же уткнулся ему в ноги, обалдевший, вывернулся наверх и заметался между нами. Степан застыл, блесна уже качалась в воздухе, наконец крохаль сообразил нырнуть и исчез в зеленой темноте омута. Ошалевшие не меньше уток, мы молча смотрели друг на друга. Большими, видимо, глазами!

Я достал «спутник» и стал настраивать. Уже слышал, как обрадую Степу. Сигнала долго не было. Потом мне сказали, что мой сын недоступен. Набрал Таню и долго слушал длинные гудки, на экранчике значилась полная решетка сигнала, но трубку так никто и не взял. Так я и стоял с бесполезным телефоном в руках, разглядывал мокрые камни под ногами. Они были разноцветные.

Это ничего, что она не взяла трубку. Телефон могла забыть в машине. Да и что бы я сказал? Вот, мол, я сейчас в каком месте! Помнишь?! Она там что-то делает, дети, заботы, подруги, а тут я с крохальями и заламами. Вздохнул судорожно. Всего полчаса назад я отлично чувствовал себя один. Я повертел головой по берегам, на чистое небо взор поднял, — я и сейчас, в общем-то, отлично себя чувствовал.

Здесь, на речке, в одиночестве, я все принимал как есть, и все было отлично, в Москве же меня было чересчур много. Из-за этого слишком много хотелось от окружающих. Простая вещь. Так же ли много я им давал, как хотел от них?

Так я раздумывал, заранее зная ответ.

Мы не видим себя со стороны. Иной раз и смешно, и грустно бывает. Кто-то дает, к примеру, деньги, а в ответ ждет любви.

Тихо было в природе. Сопки золотились под ясным небом. Я снял свитер, шурился на солнечных зайчиков, играющих на ряби реки, и неторопливо опускал в воду весло. Денек стоял, какие бывают в конце августа, теплый, прозрачный, а было начало октября, между прочим. Это больше, чем подарок.

Такое у нас бывало.

Однажды в начале октября сплавлились мы в Охотске. Какой бес занес нас туда так поздно? Снега должно было быть по колено, а не было! Мы залетели на вертолете в верховья речки, накачивали лодку, радовались осеннему солнцу, сами на небо посматривали, непохоже, чтобы долго такая благодать простояла. Может, завтра еще? Ну ладно, и так хорошо. Следующий день и правда был хорош, даже еще лучше, но к вечеру ветерок поднялся, и мы настроились на тучки с утра. На позднюю осень, как оно и быть должно. Утром же только чуть облака погуляли, а потом опять звенело целый день – будто ангелы держали над нами нежную синеву, блестя на солнце тихая осенняя паутина, пичужки тоненько попискивали. И мы выпивали у вечернего костра за отличный день и за небесную канцелярию.

И вот в конце уже, один день оставался, сидели мы с Мостом раненько утром у костерка. Лагерь наш стоял среди старых тополей на лесной поляне, с реки временами закручивал ветер – огонь испуганно шарахался и метался, но потом наступала прежняя тишина, и опять нехотя кружились над нами желтые тополиные листья. Погода менялась. Тучи непроглядной темнотой заходили со стороны океана. И я понял вдруг благодарно, что все эти десять ясных дней были нам подарком. «Вот так бы провести весь сплав, – подумал тогда вслух, – просто в тишине у костра посидеть, на речку, на тайгу поглазеть...» Мост как раз снимал кофе с огня, уставился на меня: а я, мол, что делал? И это было правдой. Он единственный из нас не охотился. И рыбачил редко.

Теперь такого молчаливого созерцания у меня было сколько хочешь.

Я довернул лодку по ходу движения и посмотрел на небо. В горах глупо загадывать, все может повернуться неожиданно, и все же показалось, что желтосиняя благодать над головой еще побудет. Ненастные дни, стоявшие перед этим, должны были пронести непогоду. Перекат кончился, лодку вынесло над омутом. Речка почти остановилась и разгладилась. Тихо было так, что различалось легчайшее журчанье ручейка на берегу. Перекидывая весло с борта на борт, зачалился. Это был не ручей, а ручееныш, он только учился разговаривать, даже кружкой из него не зачерпнуть. Насекомые какие-то звенели. Я вытащил «буфет», таганок поставил у

ручейка, наломал с елок сухих веток. Полянка была маленькая, все под рукой. Вскоре к тишине добавилось легкое потрескивание костра.

Я лежал на сухой траве и смотрел на темно-зеленую гладь с желтыми силуэтами лиственниц, облака меж них плыли. Так все задумчиво и тихо, так все серьезно было.

Я ни о чем не думал, просто провалился куда-то в глубины своей жизни, где и невозможно уже ни о чем думать. Костер мой прогорел, вода в котелке, начавшая пускать пузыри и шуметь, примолкла. Между ясной жизнью природы и моей собственной душевной пустотой возникло беспокойство, не тревожное, а просто как факт. Я пытался думать о себе, о прошедшей и предстоящей еще жизни, и мне становилось скучно, как скучно глядеть в пустоту.

Вспомнился один давний случай, мне тогда и тридцати не было. На Дальнем Востоке, в маленьком аэропорту на берегу океана. Каменистая взлетная грунтовка, окруженная тайгой, да деревянный барак довоенной постройки, полосатый колдун над ним раздувался на ветру.

Стояла затяжная непогода, рейс в очередной раз отменили, немногие пассажиры разошлись, мои товарищи тоже ушли в поселок, и я остался один. Ветер гнал с моря беспросветную мокрую сыпь и серость, раскатисто скрипело и хлопало окно где-то в здании, и некому было его закрыть. Не читалось, я спрятал книжку в рюкзак. В диспетчерской никого не было, пульт жил своей жизнью, что-то иногда мигало, на-

стольная лампа освещала засаленный пухлый журнал, сломанную ручку с изжеванным хвостиком стерженька, литровую банку-пепельницу, полную окурков, голов и шкурок от вяленой корюшки. Стекла однообразно дребезжали на ветру, окно хлопало, и никаких больше звуков – безжизненная, вынимающая душу тишина безлюдья. И в этой тишине вдруг начинала шипеть и кричать что-то неразборчивое большая рация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.